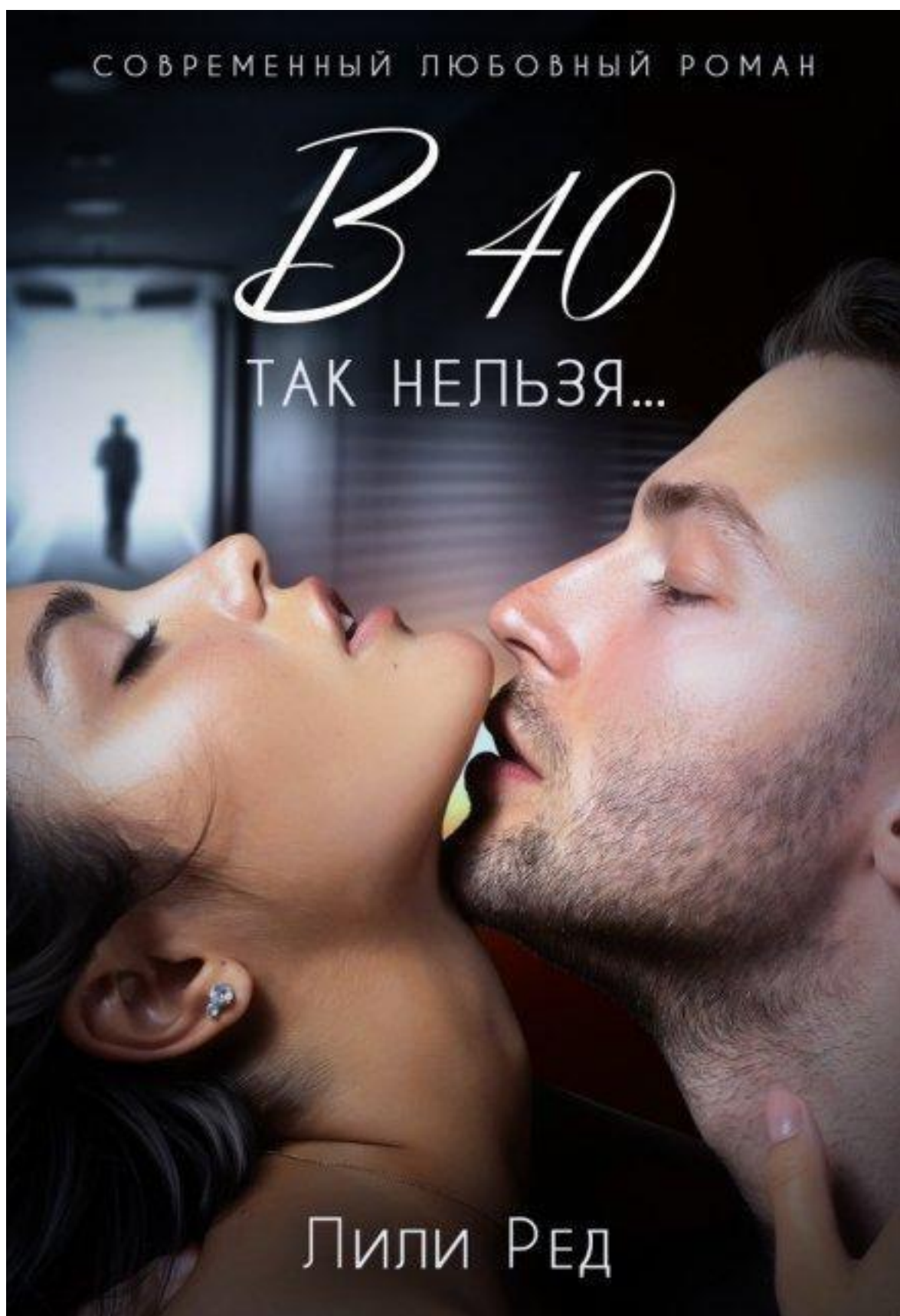

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

В 40

ТАК НЕЛЬЗЯ...

Лили Ред

Лили Ред
в 40 так нельзя...

«Литнет»

2025

Ред Л.

в 40 так нельзя... / Л. Ред — «Литнет», 2025

— Ты с ней спишь? — тихо шепчу, боясь, что он скажет “да”. — Да, — муж подтверждает, хладнокровно, цинично и безжалостно... — Только не истери. Ты все равно никому не нужна, сиди в своей каморке, делай проекты и воспитывай детей... Без меня ты все равно не выживешь, твоя студия денег не приносит... Он говорит с так равнодушно, что становится тошно... Продолжает застегивать часы на руке, собираясь куда-то. Я любила, я жила ими, всю себя отдавала... А он? — Это развод, Слава... Я не буду терпеть измен, — сглатываю и выхожу из зала. Он не идет следом, не просит прощения, хлопает лишь входной дверью и уходит из дома... Стараюсь подняться в комнату, но ноги слабеют и на лестнице встречаю детей... — Хотите я ему морду набью? — произносит друг сына и меня накрывает второй волной шока. — Марк, ты чего? — его толкает мой сын Глеб, смотря со злостью, а Эля отводит взгляд будто все знает. — А что? Твоя мамка, огонь, вообще не понимаю, как можно изменять такой женщине... Это он про меня что ли говорит? П.с. А что, в сорок нельзя встречаться с двадцатилетнем парнем?))

© Ред Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	26
Глава 10	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1

Глава 1

Я смотрю на экран и вижу, как мой муж целует на какой-то вечеринке девушку. Ей лет двадцать, она вполонину моложе меня. Красивая с длинными волосами, стройная, высокая...

Они даже не стесняются. Не скрываются. Хочется выкинуть телефон, забыть об этом снимке, но не могу оторвать взгляда. Внутри такое гадкое чувство, но тревога перекрывает все...

Что он скажет? Будет отпираться и говорить, что это все не так, как на фото? Это монтаж и конкуренты хотят навредить его репутации? Задарит подарками и увезёт всю семью куда-нибудь к океану?

Входная дверь хлопает и я вздрагиваю от звука. Муж заходит в зал, видит меня и уходит наверх.

Я будто язык проглотила, наблюдаю, как он поднимается по лестнице и скрывается в нашей спальне... Но долго его не пришлось ждать, уже спустя пару минут, он выходит в свитере и черных джинсах, застегивая часы на руке.

— Ты с ней спишь? — тихо шепчу, боясь, что он скажет «да»

— Да, — муж подтверждает, хладнокровно, цинично и безжалостно... — Только не истери. Ты все равно никому не нужна, сиди в своей каморке, делай проекты и воспитывай детей... Без меня ты все равно не выживешь, твоя студия денег не приносит...

Он говорит так равнодушно, что становится тошно... Продолжает застегивать часы на руке, собираясь куда-то. Я любила, я жила ими, всю себя отдавала... А он?

— Это развод, Слава... Я не буду терпеть измен, — сглатываю и выхожу из зала. Он не идет следом, не просит прощения, хлопает лишь входной дверью и уходит из дома... Стараюсь подняться в комнату, но ноги слабеют и на лестнице встречаю детей...

— Хотите я ему морду набью? — произносит друг сына и меня накрывает второй волной шока.

— Марк, ты чего? — его толкает мой сын Глеб, смотря со злостью, а Эля отводит взгляд будто все знает.

— А что? Твоя мамка, огонь, вообще не понимаю, как можно изменять такой женщине... Это он про меня что ли говорит?

— Мама, он же тебя не бьет, — говорит Эля.

— Эль, заткнись, — рявкает Глеб и толкает ее в комнату. — Пошли Марк, — он утаскивает их обратно в комнату и закрывает дверь.

Я не знаю что делать? Что я вообще хотела? Куда муж ушел? Почему он так говорит? И оскорбляет меня? Он точно к ней ушел. Едва передвигаю ноги, захожу в комнату и оглядываюсь. Его вещи аккуратно лежат на спинке стула. Дверь в гардеробную открыта и все еще витает запах его парфюма в комнате.

Душу раздирает от боли. Мне, кажется, что он придет с цветами и извинится. Будет умолять о прощении и признается в своей ошибке. Но телефон молчит. Он не звонит и точно ничего не станет делать... Это не тот человек, который признает свою вину...

Слёзы катятся по щекам, горячими дорожками стекая по лицу. Я бросаюсь к окну, вглядываясь в темноту. Ночь кажется бесконечной, непроницаемой. Этот запах его духов, еще витающий в воздухе, становится теперь навязчивым, отвратительным. Он словно давит, напоминая о том, что моя счастливая жизнь, моя реальность — иллюзия.

Вспоминаю наши разговоры, наши планы, наши обещания. Всё кажется таким нереальным, таким далеким. Где тот мужчина, которого я любила, считала своим лучшим другом и самым дорогим человеком? Где он?

Неужели всё это было лишь игрой? Иллюзией, которая сейчас рассыпается, как хрустальная ваза, брошенная на пол.

Я сажусь на пол, обнимая колени. Чувствую себя опустошенной, разбитой. Он ушел, ушёл к ней. К ней. Эта мысль, как острый осколок, впивается в сердце.

Где-то там, внутри, зарождается бешеный поток отборного мата. Гнев, боль, и ужас. Я ненавижу его. Ненавижу её. Ненавижу себя, за то, что так долго не видела изменений в его поведение.

Бросаю взгляд на гаджет. Но телефон опять молчит.

Я встаю, холодные руки сжимают кулаки. Что теперь? Как жить дальше? Мне нужно разобраться в том, что происходит. Нельзя просто сидеть и ждать, когда он вернётся. Этот мужчина, если он и вправду ушёл к ней, не заслуживает меня. Мне нужно собрать себя, набраться сил и... покончить с этим. Раз и навсегда.

Выхожу из комнаты и хочу взять пакеты, чтобы начать собирать вещи. Спускаюсь по лестнице и мне преграждает дорогу Марк.

— Как вы? — он смотрит своими карими глазами, слишком остро, и от этого не по себе.

— Марк, — делаю глубокий вдох и сразу хочу выстроить границы между нами. Но он реагирует быстрее и обхватывает мой затылок, притягивая к своим горячим губам.

Меня накрывает тревога, в груди необъяснимое чувство страха, царапающее мою душу беспокойство и жуткое ожидание отрицательных событий.

Но его губы такие мягкие, они не напирают, а лишь нежно сжимают мои.

Его поцелуй легкий, почти робкий, в нем нет той наглости, которую я ожидала бы. Он целует медленно, изучая мои губы, как будто боится причинить боль. Меня обуревают противоречивые чувствами, замираю, пытаюсь понять, что происходит. Тревога, которая бушует во мне, немного утихает, сменившись ошеломляющим чувством нереальности. Его руки нежно держат мою голову, пальцы ласково гладят волосы. Я закрываю глаза, позволив себе утонуть в этом нежном вихре. Лишь на секунду. Аромат его кожи, смесь свежести и чего-то еще, чего-то опьяняющего, дурманящего.

Я чувствую биение его сердца, быстрое и сильное, под моей ладонью. Это биение отдается ритмичной дрожью в моих собственных руках, которые неосознанно сжимают его рубашку. Но мой страх не исчез полностью, он просто притаился где-то глубоко внутри, наблюдая за развитием событий. Марк углубляет поцелуй, его язык становится более настойчивым, касается моих губ и пробирается внутрь.

Я отвечаю на поцелуй, мои руки с каждым мгновением сжимаются все сильнее, как будто боюсь отпустить его. Я вдыхаю его аромат, и в голове словно происходит взрыв эмоций.

Марк отстраняется от меня. Его глаза, темные и глубокие, встречаются с моими. Его дыхание сбивчивое, грудь поднимается и опускается, быстро и ритмично. Молчание висит в воздухе, тяжелое и напряженное. Я не знаю, что сказать, что сделать. Все мои планы, все мои защитные механизмы разрушились под натиском этого нежного, но в то же время таинственного поцелуя.

Я в шоке. Ему всего двадцать... Он вполнину моложе меня!

— Ты достойна большего! — говорит Марк и уходит наверх, оставляя меня растерянную на лестнице...

Глава 2

Глава 2

Судорожно хватаю ртом воздух и хочу отборно обматерить, но не могу. В горле сухо, как в пустыне.

Я вообще не понимаю, как такое позволила допустить. Пускай он и сладкий мальчик. Но он друг моего ребенка! Ему уже давно восемнадцать, даже скорее всего двадцать, вроде бы ровесники с Глебом.

Но это непозволительно!

В первую очередь мне!

Ему-то что? Наоборот круто, взрослую тетку... Хотя когда это было круто? Дрожь охватывает все тело и я бегу вниз на кухню. Наливаю себе стакан с алкоголем и хоть не пью, но залпом опрокидываю в себя жидкость.

Горло обжигает, эта жаркая лавина проносится по пищеводу и оседает в желудке. Разгоняет кровь и перед глазами карий взгляд Марка. Его пухлые губы и дерзкие слова...

Горло жжет не только алкоголь, но и стыд. Я снова вижу его лицо, улыбку, полную самодовольного превосходства. Марк... этот чертов Марк, с его сладкими речами и очаровательной внешностью, так легко манипулирует людьми. А я, глупая дура, позволила ему приблизиться к себе, позволила забыть о границах.

Алкоголь немного притупляет остроту боли, но не убирает ее целиком. Я продолжаю стоять у раковины, стакан дрожит в моих руках. Мысли вихрем кружатся в голове. Марк... Что он думает? Зачем все это делает? Я обязана предотвратить любые дальнейшие контакты между ними.

Слова Марка, его касания... все казалось таким легким, беззаботным. Но я понимаю, что он — хищник, мастер манипуляции.

Мне нужна помощь психолога, кто-то, кто поможет мне разобраться в себе и в этой ситуации. Я встаю, иду в ванную. Смотрю на свое отражение. Лицо бледное, глаза красные от слез и алкоголя. Я выгляжу ужасно.

Но что мне делать? В комнату кто-то заходит и слышу голос дочери.

— Мама, ты тут? — зовет меня Эля.

Вытираю полотенцем лицо и выхожу к ней.

— Да, Дочь, чего ты? — кидаю полотенце на кровать и иду к шкафу.

Не могу я смотреть на нее. Мне стыдно и больно. А еще в голове то и дело пульсируют ее слова: «Он же тебя не бьет»...

— Мама, что случилось? Можешь со мной поговорить? — просит она и я достаю пижаму.

— Эля, ты еще ребенок. Иди спать, — не хочу втягивать ее в наши разборки, потому что Слава ее отец.

И вообще, я считаю, что втягивать детей во взрослые разборки — гиблое дело. У них еще вся жизнь впереди, своих разборок будет предостаточно.

— Мам, я вижу, что тебе нужно поговорить. И я не ребенок. У меня между прочим тоже есть парень, но он меня не замечает, — говорит грустно дочка и я поднимаю на нее взгляд.

— Малыш, — протягиваю руки к ней и она садится рядом, ложится на мои колени и обнимает меня за талию. Я глажу ее по голове и чувствую, такое внутри опустошение. — Ты так молода, красива, у тебя будет столько этих парней.

— Мам, давай ты не будешь торопиться с разводом...

— Эль, — все-таки дети многое слышали из моего разговора с их отцом. — Мне сложно тебе дать положительный ответ. Я вообще ничего не понимаю...

— Мам, пойми, папа у нас видный, понятное дело за ним будут бегать, — говорит дочь и внутри неприятно колет. Его она считает “видным”, а я какая? Замухрышка? Домохозяйка, которая способна только их обслуживать? — Он сглупил, совершил ошибку, если любишь, то можно и простить. Я вот прощаю, вижу, что он смотрит на других, гуляет с ними, и прощаю. Потому что ко мне он как к принцессе относится. И отец так же. Он тебя не бьет, не орет, денег дает. И именно ты хочешь разрушить нашу семью, — Эля поднимается и смотрит на меня. — Подумай. Ложись, поспи, а завтра будет лучше...

Она уходит из комнаты, а мне хочется закричать ей вслед...

Глава 3

Глава 3

Но я и правда решаю отложить сбор вещей на завтра. Переодеваюсь в пижаму и ложусь. Кожа зудит, мне неприятно лежать в кровати. Она будто грязная, после всего того, что я узнала. Встаю и с остервенением сдергиваю все постельное белье, достаю из шкафа другой комплект и застилаю постель. На глазах слезы, меня душат эти обстоятельства и то, что я не понимаю, как себя вести. Отношу в стирку грязное белье и возвращаюсь в кровать. Запах кондиционера слегка успокаивает, но на душу уже не отстирать от этой грязи.

Стараюсь уснуть, но сон так и не приходит. В какой-то момент я слышу шорохи за дверью и сердце отчаянно начинает биться.

Муж?

Дверь открывается и тяжелые шаги утопают в ковре. Муж. Только он так ходит. Слышу, как он усмехается, а потом скидывает с себя одежду, ложится в кровать и отворачивается от меня. В горле ком, страшно даже вдохнуть, а на самом деле хочется кричать. Хочется выгнать его, пускай проваливается туда откуда пришел. Но уже через минуту слышу его тяжелое дыхание и храп. Спит...

Всегда завидовала его способности быстро засыпать. У меня так не получается. Почему он не извиняется? Неужели ему настолько плевать, что готов просто перечеркнуть все годы совместной жизни? Или просто уверен, что я никуда не уйду?

Слезы медленно стекают по щекам, оставляя дорожки на подушке. Я переворачиваюсь на другой бок, стараясь не смотреть на его спину, на широкую, некогда любимую спину. В голове крутятся образы: наши первые встречи, наши смешные споры, наши нежные моменты. Всё это словно растворяется в этой тягучей, холодной темноте.

Почему он не пытается понять? Не пытается поговорить? Он просто ложится рядом, словно это не имеет значения, словно это обычный вечер, а не очередная травма, нанесенная тихим, но злым ударом.

Я вспоминаю нашу последнюю ссору. О чем мы спорили? О мелочах, о чем-то глупом, о том, что уже забыто, кажется. Но боль, оставленная этим спором, остаётся. Острый, режущий укол.

А он спит. Спокойно, глубоко, как будто ничего и не было. Как будто я — всего лишь фон, некая мебель в этой его комнате.

Он шепчет что-то, словно во сне. Я пытаюсь разобрать слова, но слышу лишь обрывки: «Прости...». Эти слова, словно обрывки паутины, но достаточно, чтобы вызвать в душе странное, двойственное чувство. Что-то между надеждой и отчаянием. Это то чего я хочу? Нет...

Разворачиваюсь и укутываюсь, одеяло вокруг меня, словно кокон, которое защитит от него.

Вдруг, я чувствую, как он шевелится. Обнимает меня. Крепко. Так что я не могу вдохнуть полной грудью. Сердце колотится в груди, а в глазах стоят слёзы. Не от страха, а от бессилия. Отчаяния. Что делать? Внутри словно кошки дерут сердце и душу. Больно, обидно и хочется кричать.

Но он не понимает, и обнимает меня всё крепче. И в этом объятии я чувствую не только боль, но и то, что я пытаюсь от себя оттолкнуть - остатки чувства, которые имеются к нему. Они так же глубоко, как и боль. Так же реальны, как и эта тяжесть в груди.

Я брыкаюсь, вытаскиваю руку и скидываю его ладонь с себя. Мне неприятно. А он просто разворачивается на другой бок и опять крепко засыпает. Неужели он думает, что может так легко отмотать все назад? Я даже не понимаю, как отрубаясь. Открываю глаза как только

солнечные лучи пробиваются сквозь шторы. По привычке оборачиваюсь на его часть кровати, но она пуста.

Там никого нет...

Он ушел раньше меня, хотя раньше мы пили кофе с утра вместе и уезжали на работу...

Но, видимо, с сегодняшнего дня все по-новому. Я поднимаюсь и иду в душ, смываю с себя остатки сна и в халате спускаюсь на кухню. Кофемашина еще теплая, значит он только недавно уехал. Злость опять поднимается с новой силой и накаляет мои нервы до предела.

Детям в универ, поэтому варю кашу для всех и расставляю тарелки на столе. Делаю тосты и нарезаю сыр с колбасой. Хочу идти всех будить, но замираю на месте.

На меня с любопытством смотрят карие глаза. И в его взгляде нет ничего приличного. Он будто раздевает меня.

— Доброе утро, — с сексуальной хрипотцой в голосе говорит Марк и я вздрагиваю от испуга.

— Доброе, Глеб и Эля встали? — беру себя в руки и спрашиваю у него, надеясь, что он ответит “нет”.

— Да, сейчас спустятся. Эля ванную заняла. Как вы? — спрашивает напрямую, а меня смущают его вопрос, его взгляд. Меня он смущает!

— Нормально, — отстраненно отвечаю. — Садись, завтракай, — обхожу его с другой стороны и убегаю наверх. Подальше от него...

Лишь бы он не понял, что смущает меня.

Глава 4

Глава 4

Мне хочется побыстрее остаться одной, не хочу видеть даже детей.

Они и без меня справятся...

Наверное...

— Мама, — зовет Эля и я останавливаюсь на полпути.

— Что такое? — кричу ей в ответ.

— У меня сгорел фен, дай свой, — вопит дочка и я усмехаюсь.

— Я с Марком посмотрю, — на встречу выходит Глеб и целует меня в щеку. — Оставь его в моей комнате, Эль, — кричит сын и мы расходимся.

Он на кухню, а в комнату за феном.

Сын молчит и не смотрит на меня осуждающе. Для него вообще будто обычное утро.

Я отношу фен дочке и иду собираться. Надеваю белый костюм, черный топ и шпильки. Губы подкрашиваю с ресницами и спускаюсь уже собранная на работу.

— Так, сегодня ужинайте без меня, — предупреждаю ребят и ловлю на себе заинтересованный взгляд Марка. — Хорошего дня, целую, — отвожу взгляд, делая вид, что читаю в телефоне важную информацию.

— Мам, — зовет Эля.

— Эй, — зовет Глеб, но я уже ухожу.

Не хочу оправдываться перед ними. Я и сама не понимаю, что творю и как быть...

Столько мыслей, и ни одной достойной...

За рулём своей машины я чувствую себя немного лучше, чем дома. Утренний трафик, как всегда, адский, но ритмичное биение дворников по лобовому стеклу успокаивает. Включаю радио, но слова ведущего словно проплывают мимо, не задерживаясь в сознании. В голове всё еще крутится водоворот: неужели я правда это сделала? Целовалась с другом собственного сына?

На работе, в своём просторном кабинете с видом на сверкающий город, я пыталась сконцентрироваться на документах, но мысли всё равно возвращались к произошедшему. Это был случайный поцелуй на лестнице. Не осознанный, но страстный.

Я даже не знаю толком о его жизни. Да и зачем? Меня несет совершенно в неправильном направлении. Но его губы были тёплыми, а его руки — сильными и уверенными. Я чувствовала себя... живой. Не той уставшей матерью семейства, которая утром едва успевает собрать детей, а женщиной, которой можно желать, которую хотят. Это ощущение было настолько новым, настолько острым, что я забываю, как дышать. И это воспоминание, яркое и навязчивое, пульсирует во мне всё утро. Ближе к обеду звонит Глеб и я на автомате отвечаю на звонок.

— Да, сынок, говори, а то проект горит, сдавать нужно, — тараторю и вношу параллельно правки.

— На секунду. Мам, Марку нужно гараж перепроектировать, он хочет заехать к тебе в офис в обед. Нормально?

— Да, okay, пускай заезжает, — быстро отвечаю и сбрасываю звонок.

Доделываю проект и отправляю заказчику. В груди пульсирует и такое ощущение, будто я о чем-то забыла. Только о чем? Смотрю на телефон. Позвонить? Да нет... Мужу я не буду звонить, а он сам никогда и не наберет. Тогда почему у меня внутри от волнения раздирает грудь?

— Привет, а ты когда работаешь, еще круче выглядишь... — говорит Марк и я вспоминаю разговор с сыном. Его слова пронзают меня, вытащив из профессионального транса.

Блин...

Так с ним нужно что-то делать, такие разговоры непозволительны. Мне сорок, ему двадцать лет, он в парни моей дочери годится, а мне в сыны....

— Марк, — хмурюсь и стараюсь подобрать слова помягче...

— Э-э... сорри, София Викторовна, — Марк поднимает руки вверх и улыбается. Будто дает заднюю, но эта чертовщинка в глазах... — Я, наверное, не очень удачно выразился. Просто... вы всегда такая... интересная, и сегодня в этом костюме... я немного... засмотрелся, — голос становится ниже, будто вибрирует на кончике языка. — Это не то, чтобы... не то, что ты думаешь, — а вот тон говорит совершенно иначе. У меня даже в груди начинает вибрировать все...

Я вздыхаю, пытаюсь унять нарастающую раздражительность. Мне нужно быть дипломатичной, а не импульсивной, и поставить его на место.

— Марк, я ценю твою вежливость, но мне кажется, нам нужно поговорить о границах. Тебе двадцать, мне сорок. Это существенная разница в возрасте, и комплименты такого рода... не совсем уместны. Ты должен понимать, что это может быть воспринято... неоднозначно.

— Да, понимаю. Извини, София Викторовна, — и вот опять нотка панибратства. — Я не хотел вас обидеть. Просто... вы очень... яркая, — улыбается Марк и заходит в мой кабинет. А во взгляде ни капли сожаления. Ему словно нравится моя реакция...

Неужели заметно, что он меня смущает? Но я делаю глубокий вдох, собираюсь и строго смотрю на него.

— Я понимаю, что это может быть сложно для тебя, Марк. Но я надеюсь, ты поймешь, что мне важно, чтобы мы оставались в рамках дружеских отношений. Пожалуйста, будь внимательнее к тому, что говоришь.

— Конечно, София Викторовна, — делает акцент на моем имени, только вот нотки сарказма, как иголки впиваются в мое сознание. — Я всё понял. Извини ещё раз. Буду внимательнее. Может, поговорим о работе? Меня интересует...

Я смотрю на него, пытаюсь понять, искренен ли он. Но эта дерзкая манера общения меня настораживает.

— Да, конечно. Поговорим о работе, — соглашаюсь и включаю приложение. — Что ты хочешь сделать с гаражом?

— Разделить его на секции, один — под спортзал, другие — для машины и байков, чтобы это была прям изоляция каждого сектора, а не огромный ангар. Душ, ванна, туалет, возможно предусмотреть парную. Потому что после соревнований хочется мышцы размять, но пока я думаю над этим. И на втором этаже, сделать три спальных комнаты...

Я записываю за Марком тезисно и удивляюсь.

— Это уже не гараж, это дом... Квадратура твоего гаража позволит воплотить в реальность? — отрываюсь от бумаги и слегка шурю, — А вообще дай мне адрес, я сама пробую и проверю, возможно ли делать такую постройку там по закону...

— Поликарпова 34, — говорит Марк и я вбиваю в поисковике.

Там действительно по плану железный ангар, но вокруг ничего.

— Впечатляющие размеры. 20 на 50, высота семь метров. Есть где разгуляться. Это вы там постоянно пропадаете с Глебом? — уточняю, разглядывая визуально на карте размеры.

— Ага, — легко и свойственно его возрасту отвечает Марк.

— Нужно будет выехать на место и посмотреть на конструкцию изнутри. Выдержит ли второй этаж, или нужно будет строить новые опоры, для усиления.

Внутри просыпается такой азарт, что даже словами не передать. В голове уже представляю, как можно будет сделать. Вплоть до ящичков на стенах...

— Вот такая, вы мне нравитесь, еще больше, — отвлекает от моих мыслей Марк и встает с кресла. — У меня тренировка, мне пора. Если будут вопросы, набери...те, — подмигивает и уходит.

Он ничего не понял. Вообще ни единого моего слова...

Глава 5

Глава 5

Под конец рабочего дня спину ломит невыносимо. Такое ощущение, что все суставы выкручивает. Я что заболела? Не может быть... Я толком никуда не хожу, ни с кем не общаюсь...

Но легче мне от этих мыслей не становится.

Надеваю пиджак и выхожу на улицу. Меня начинает морозить. Боже, как тут холодно... Мигом покрываюсь мурашками и спешу в аптеку, которая возле моего офиса.

— Здравствуйте, дайте мне противовирусное и два пакетика порошка от простуды, любых. И леденцы от боли в горле, — говорю фармацевту и она приносит все.

— Девятьсот сорок два рубля, — говорит она и я протягиваю карточку.

Деньги списываются моментально, лучше бы так же становилось легче. Но нет. С каждой секундой, пока я добираюсь до дома мне все хуже и хуже. Будто весь мир становится против меня. Пробки за пробками, голова трещит, в горле саднит и такое ощущение, словно меня прокручивают в мясорубке.

Паркуюсь возле дома, но идти туда не хочется. Сажусь и трясусь в машине от холода. Как представляю, что на кухне гора посуды, куча стирки и муж... Хочется выть... Не хочу идти туда, не хочу. Сердце колотится в груди, и я буквально заставляю себя открыть дверь в машине и выползти оттуда.

Мне уже нравилась идея заночевать в салоне авто. Тут было спокойнее...

Захожу домой и запах застоявшейся еды и не вынесенного мусора бьет в нос, усиливая чувство безысходности. Я опускаю сумку, и она с глухим стуком бьется о пол, отражая мою внутреннюю пустоту.

Голова гудит, как перегруженный процессор, и я чувствую, что вот-вот рухну.

Разуваюсь, вешаю пиджак и захожу на кухню, как всегда, предстаю передо мной во всей своей ужасающей красе. Гора немытой посуды, увенчанная засохшими остатками обеда или ужина, и она словно снежный сугроб, грозит обвалом. В раковине плещется мутная вода, издавая противный запах.

Рядом стоит куча грязных тарелок, чашек и кастрюль, напоминая о бесконечном круговороте готовки, уборки и снова готовки. Я чувствую, как в горле вновь подступает ком, и сдерживать слезы стало почти невозможно. Есть же посудомойка, почему нельзя загрузить и включить?

В углу стоит стиральная машина, полная грязного белья. Ещё одна гора, символ моей нескончаемой борьбы с бытом. Я представляю, как буду таскать мокрые простыни, развешивать их на сушилке, и уже чувствую онемение в руках и спине. Энергии не осталось совсем. Я просто стою, сжимая руки в кулаки, и борюсь с желанием разрыдаться.

Мысль о муже пронзила меня острой болью. Он вернется сейчас, уставший после работы, и встретит такую картину. И будет еще больше раздражения, ещё больше ссоры. Этот замкнутый круг уже давит на меня своей неизбежностью. Я представляю, как он будет ворчать, указывать на мой "беспорядок", и от этой мысли меня прошибает холодом. А почему я должна о нем думать? Он же не думает! Ему вообще плевать!

Я опустила на стул, и закрываю лицо руками. Слезы текут по щекам, обжигая кожу. Это не было просто усталостью, это было полное истощение, как физическое, так и эмоциональное. Я не могу больше так жить. Этот бесконечный цикл работы, дома, уборки, приготовления еды и снова работы превращает меня в тень самой себя.

В прислугу!

Дети взрослые, сами о себе могут позаботиться.

Пора и мне взяться за голову.

Достаю лекарство и замешиваю для себя. Ноги едва держат, такое ощущение, будто реально прямо сейчас упаду. Горло дерет и я прокашливаюсь. В этот момент входит муж домой и слышу его тяжелое сопение.

— Рот закрывай когда кашляешь, мне нельзя болеть, у меня важная сделка на днях, — говорит он и меня передергивает то ли от озноба, то ли от его мерзкого комментария.

— Вот она любовь и забота, — хрипло говорю и ухожу наверх с кружкой.

— Забота? Ты что поесть приготвила? Ничего не можешь сама сделать, только и пи... — но дальше я уже не слышала.

Плевать... Пускай что хочет то и делает. Поднимаюсь к себе в комнату и захожу к Эле. Она отрывает взгляд от планшета и снимает наушники.

— Посуда внизу сама себя не помоеет, — говорю ей.

— Сама мой, не буду я ее мыть, — морщится и надевает наушники.

А мне так не хочется спорить и ругаться. Разворачиваюсь и иду к себе в комнату. Снимаю костюм, вешаю его, надеваю теплую пижаму и мерю температуру. Буквально за пару минут она взлетает до тридцати девяти. Ужас. Выпиваю порошок от простуды и укутываюсь в одеяло. Мне ничего не хочется, только лежать и спать.

Через какое-то время слышу, что кто-то заходит в комнату. Ложится рядом — значит муж. Он включает телевизор и листает каналы.

А мне так плевать, потому что в следующую секунду, я уже сплю...

Глава 6

Глава 6

С утра просыпаюсь вся мокрая. Тянусь к телефону и понимаю, что на часах уже почти десять утра. Слабость во всем теле, но нужно вставать. А так лень...

Потягиваюсь и скидываю одеяло, влажную кожу туту же окутывает холодом и начинаю дрожать. Все равно спускаю ноги и плетусь в ванную. Скидываю пижаму и залезаю под душ. Быстро смываю с себя неприятный липкий пот и выхожу из ванны. Кожа покрывается мурашками.

Блин. Еще температура. Переодеваюсь, беру градусник и меряю ее, чтобы понять какую таблетку пить. Тридцать семь и пять, показывает термометр.

Нормальная температура, не смертельно... Чувствую себя немного лучше, но все равно вяло. Завтрак — это нечто невообразимо далекое, но сейчас очень нужное. Желание просто полежать еще немного, сразу отметаю. В голове уже роятся мысли о делах, которые ждут. Вдыхаю, поднимаюсь с кровати и убираю градусник. Голова немного кружится. Потянувшись, снова чувствую слабость. Наверное, это просто недосып. Нужно просто выпить чай, позавтракать, а потом... А потом уже можно и за дела. Спускаюсь на кухню. Надо включить чайник, заварить чай, и сделать бутерброд. Может, бутерброд с сыром? Или с ветчиной?

Замираю на месте. Свинарник, как был в доме, так и остался. Мать болеет, ничего не делается. Интересно, если я вообще перестану убирать, они в грязи зарастут?

Плевать.

Они взрослые и самостоятельные, сами справятся. Но не могу сидеть в таком ужасном беспорядке. Затхлый запах, мусор, меня начинает раздражать, даже если не смотреть на весь беспредел и не дышать. А дети встали? Вроде бы у них там какие-то зачеты должны быть?

Пока чай заваривается, все же поднимаюсь в комнату к Эле и открываю дверь. Никого... Следом заглядываю к Глебу и вижу его голую спину. Вот засранец...

— Глеб, а тебе на учебу не нужно? — зову его и он дергается.

— Мам, напугала. Ты чего... дома, — он тянется за часами и переводит взгляд на меня. — время почти десять...

— К моему сожалению, я тоже болеть могу. Вставай и поезжай на пары. Зачеты сами за себя не сдадутся.

Разворачиваюсь и выхожу из комнаты. Открываю холодильник и достаю оттуда сыр и колбасу. Беру пару ломтиков хлеба и делаю тосты.

— Мам, ну, я же не специально... проспал. — Глеб спускается и кидает рюкзак на пол, почесывает затылок, а его глаза бегают по комнате. — Просто вырубило, вчера тренировка была тяжелая с Марком. Нам нужно взять это соревнование, понимаешь. Там призовой фонд огромный. И если его выиграем, то поедем за границу представлять нашу страну. — А с тобой что? У тебя действительно температура?

Глеб заботливо подходит ко мне и касается рукой моего лба. Сыночек. Тепло растекается внутри. Хоть один из детей все же заботится, а не злиться на меня...

— Да, простуда. Голова кружится, а горло... Говорить чуть больно. Но отлынивать от работы не собираюсь. Ты поезжай, а я тут посмотрю, может, чай с лимоном поможет. Таблетку выпью и примусь за проект Марка. Надо еще до его ангара доехать, посмотреть, что к чему.

— Хорошо, мам. Сейчас приготовлю тебе чай, — он замечает кружку с пакетиком и лимоном и тяжело вздыхает. Наливает кипятка и забирает у меня из рук ножик. Сам нарезает колбас и сыр и укладывает на тост, подвигая ко мне тарелку. — Так ты держись. И, мам, — Глеб останавливается и смотрит на беспредел, показывая пальцем. — Не вздумай... ну, ты

понимаешь. Ложись, отдохни, работа никуда не денется. Я приду с учебы и с Элькой все уберу. Хорошо?

Глеб хватает ключи от своего мотоцикла и достает шлем. Но стоит и ждет моего ответа.

— Иди, не задерживайся. И будь осторожнее на дороге.

Глеб, вздохнув, пошел собираться. Он надел куртку, взял рюкзак, и, прежде чем выйти, чмокнул меня в лоб.

— Береги себя, — говорит Глеб, и выходит из дома.

Съедаю завтрак и даже силы появляются. Все-таки тепло, любовь и забота дают свои плоды. Как говорится: “Доброе слово и собаке приятно”. А я же вроде лучше собаки? Даже смешно, что я так начинаю размышлять... Чтобы выкинуть такие мысли из головы, начинаю убираться на кухне. Когда все блестит и пахнет уже свежестью в дверь кто-то звонит.

Вытираю руки и иду открывать на пороге стоит Марк и улыбается.

— София Викторовна, я приехал вас отвезти к ангару. Глеб сказал, что вы приболели. Как себя чувствуете?

6.1

— Нормально, да я сама справлюсь, — слегка тушуюсь и чувствую как щеки начинают краснеть. Этот парень меня смущает, а его забота неожиданная и немного пугающая. Марк, высокий, широкоплечий, с добрыми, немного лукавыми глазами, стоит, склонив голову набок, и смотрит на меня с явным беспокойством. Его улыбка – широкая, искренняя, – невольно смягчает мое сопротивление. В руках он держит небольшой, плотный пакет.

— Глеб очень беспокоится, София Викторовна. Сказал, чтобы я обязательно убедился, что вам ничего не нужно. И вот, — он чуть взмахнул пакетом, — немного фруктов и... — он замялся, — ... чай с лимоном. Думаю, это будет полезно.

Я опускаю глаза, рассматривая свой халат. Стыдно отказываться от его помощи, но и принимать её так же неловко. В глубине души я понимаю, что Глеб, мой сын, действительно беспокоится. Но внимание Марка... оно другое. В нём есть что-то более... личное. И это пугает, особенно после того поцелуя.

— Спасибо, Марк, — шепчу я, стараясь сдержать румянец. — Вы очень добры. Но действительно, я справлюсь. Ангар совсем недалеко.

— София Викторовна, не стоит упрямиться, — он мягко, но настойчиво возражает. — Глеб строго-настрого запретил мне оставлять вас одну. К тому же, я уже здесь. Погода сегодня... не самая лучшая, а вы и так выглядите немного уставшей.

Его слова бьют по моему упрямству. Я вздыхаю, признавая его правоту. Действительно, погода сегодня не радует — холодный ветер пронизывает до костей, а небо затянуто тяжелыми свинцовыми тучами. Я беру пакет из его рук. Пальцы Марка легко коснулись моих. Я чувствую легкий ток, проходящий по всему телу. Быстро отдергиваю руку, делая вид, что ничего не произошло.

— Хорошо, — говорю я, стараясь сделать голос ровным. — Поедем. Только давайте поскорее, я быстро посмотрю, много время не займу. Минуту, только переоденусь и возьму ноутбук.

Марк улыбается, его глаза искрятся чем-то опасным. Я поднимаюсь вверх и надеваю джинсы с толстовкой. Спускаюсь уже с сумкой и обуваюсь в кроссовки.

— Поехали? — лукаво улыбается и я киваю.

Мы выходим из дома и Марк открывает дверь своей машины – блестящего джипа, о котором я всегда мечтала. Помогает мне сесть, аккуратно пристегивает ремень безопасности. Я даже не успеваю сказать слова протеста, как дверь закрывается и он обходит и садится на водительское место.

В салоне приятно пахнет кожей и свежестью. По дороге мы молчим. Я наслаждаюсь тишиной и комфортом, вглядываясь в проносящиеся за окном пейзажи. Марк сосредоточен

на дороге, но я чувствую он посматривает на меня. Иногда бросает на меня короткие взгляды, и каждый раз мои щеки начинают гореть. Мне становится ясно, что это не просто забота. В его внимании есть что-то еще, что-то... более глубокое. И это начинает меня пугать. Но, с другой стороны, даже приятно. Неужели в сорок лет нельзя никому больше понравиться? Да и в конце концов, не каждый день меня отвозят в ангар на блестящем джипе, заботливо приносят чай с лимоном и фрукты.

Даже муж без подсказки ничего не делает...

Глава 7

Глава 7

Доезжаем быстро. Сам ангар находится вдалеке от города. Вокруг красивый лес, но подъездная дорога асфальтированная. Даже странно, я представляла максимум щебенку. Но тут цивилизно и опрятно. Никакой грязи.

— Красивая местность, — говорю, как только Марк глушит двигатель.

— Этот ангар еще мой дед под склад использовал. Они тут машины держали, пока в девяностых перегоняли из Германии. Потом долгое время пустовал и как он узнал о моем хобби, то отдал в пользование. Переделал на меня все документы, скажем так: подарил на мои двадцать лет, — гордо заявляет.

А для меня, это еще один звоночек и напоминание, что держать этого парня нужно подальше. Глеб тоже поначалу лишь увлекался мотоциклами, но с каждым месяцем углублялся и погружался именно в мотоспорт. И теперь они катаются на все соревнования и даже занимают призовые места.

Природа потрясающая, но и ангар просто невероятный. Он был в идеальном состоянии на первый взгляд. Марк открывает огромную дверь и пропускает меня первой.

— Так вот, где вы пропадаете с Глебом? — уточняю и с любопытством разглядываю все.

Воздух, насыщенный запахом бензина и масляной пыли, висит густой и сладковатой дымкой. Внутри, под тусклым светом единственной лампы, царил полумрак, пронизанный блеском хромированных деталей и глубокой чернотой мотоциклов, словно хищные птицы, притаившиеся в своих гнездах.

Марк включает свет и ангар полностью освещается.

Оглядываю мотоциклы и каждый — произведение искусства, доведенное до совершенства: блестящие рамы, идеально отполированные двигатели, агрессивные убийственные машины.

— Это моя гордость, — сказал он, поглаживая рукой блестящий бак одного из мотоциклов. — Kawasaki ZX-10R. Полностью тюнингованный. На нём я выиграл региональный чемпионат.

Я киваю, стараясь не выдать своего напряжения. Его слова звучат как хвастовство, но в его глазах я вижу не только гордость, но и что-то еще... Будто он относится к ним, как к детям... Аккуратно, бережно и трепетно. Это было не просто увлечение, это была страсть, поглощающая его целиком.

Вспоминаю, как они с Глебом разделили призовые места. Сын был и прекрасным соперником, и надежным товарищем. Марк продолжает экскурсию, рассказывая о каждой детали, о каждом модифицированном узле. Его знания были энциклопедическими, его энтузиазм — заразительным. Я пыталась поддерживать разговор, задавая вопросы о технических характеристиках, о механике, о соревнованиях. Но в глубине души я все больше убеждалась в том, что он не просто так обратился ко мне.

Это напрягает и не дает расслабиться, хоть он и не предпринимает никаких попыток соблазнения.

В конце ангара стоит особый мотоцикл, выделенный среди остальных. Он был не таким блестящим, как другие, на нем были следы изнашивания, но в нём была особая аура.

Старый, но добротно отремонтированный, он был сделан с душой, с особой заботой.

— Это... этот мотоцикл мне дед оставил, — говорит Марк, его голос стал не таким уверенным. — На нем он ездил в молодости. Я почти никогда на нём не езжу.

— Его уже нет? — тихо спрашиваю и мысленно бью себя по затылку. Зачем лезть в душу к парню? Пускай он делится со своими девчонками. Не со мной...

— Да, после того, как мне исполнилось двадцать, он умер. Но до сих пор помню его слова. Если решил ехать, то никогда не жми на тормоз, — Марк замолкает и у меня сердце начинает колотиться бешено.

Нет... Нет... Нет...

Я понимаю, что после таких слов, обычно идет страсть и жаркие поцелуи. Но мне нельзя...

Нам нельзя!

— Так, — резко разворачиваюсь, чтобы не встречаться с ним взглядом. Отхожу к стене и начинаю рассматривать. — Так, — повторяю я, голос звучит хрипловато, будто горло перехватывает. Сердце колотится, барабанная дробь в ушах заглушает даже собственное дыхание. Стена, по которой провожу рукой, оказывается неожиданно холодной. Прохлада покалывает пальцы. На ней, почти незаметно, спряталась трещинка, тонкая как паутинка. Стены тоже нужно будет подлатать.

Я провожу пальцем по шершавой поверхности, сосредотачиваясь на этом бесполезном занятии, стараясь отвлечься от вихря эмоций, бушующих внутри. Марк молчит, но я чувствую, что прожигает своим взглядом. Наблюдает за мной. Я слышу только собственное дыхание, ровное, но прерывистое как заикание. Воздух сгущается, наполняется невысказанными словами, нерешенными вопросами, запретной тоской.

Его молчание давит сильнее, чем любые слова. Я чувствую его взгляд, как невидимое касание, проникающее сквозь мою спину. Наконец, он проговаривает тихо, словно боясь нарушить хрупкую тишину:

— Все в плачевном состоянии? — спрашивает Марк и я облегченно выдыхаю.

— Все решаемо. Я работаю с хорошей бригадой. Они делают все качественно и быстро. Возведут и укрепят. Если учесть, что этой постройке больше тридцати лет, то она в идеальном состоянии. — Прохожу дальше, открываю дверь. Тут туалетная комната и что-то наподобие душа.

— Канализация септик, еще в прошлом году сделал, — Марк подходит ближе, останавливаясь на расстоянии вытянутой руки. Я чувствую его тепло, его присутствие, как непреодолимую силу. Мне страшно обернуться. Зачем он так поступает?

— Хорошо, быстрее сделаем. Парную только финскую можно ставить. Если ставить русскую на дровах, то нужно делать пристройку от основного здания, — оборачиваюсь и ловлю его взгляд.

В его глазах — будто глубокая печаль, смешанная с неопределенностью. Я вижу в них борьбу, скрытых желаний и запретных мечт. Он словно сам с собой борется. А я взрослая женщина и сама должна держать дистанцию.

— Софий Викторовна, — говорит Марк, тихо, голос уверенный и серьезный.

— Так, поехали обратно, голова начинает болеть. Таблетки нужно выпить, — перебиваю его и закрываю дверь. Хочу обойти, но он стоит на месте и не дает пройти.

Смотрит так проникновенно, с легким прищуром и от этого взгляда мурашки начинают бегать по коже.

Его рука, большая и сильная, ложится на стену, мягко, но уверенно, словно знак того, что разговор не закончен. Я чувствую жар, разливается по щекам. Марк озорной и юморной, сейчас выглядит серьезно и будто бы на десяток лет старше. В его глазах, темных и глубоких, как ночное небо, я вижу не только печаль и неопределенность, но и что-то ещё — отчаянную надежду, едва заметную, но такую сильную.

Он загадочный, и эту загадочность отчаянно хочется разгадать, несмотря на внутренний голос, кричащий о необходимости сохранять дистанцию. Рядом с ним, я чувствую себя иначе. Будто мне словно двадцать лет.

Марк протягивает и касается моей руки. Хочу одернуть ее, отойти, убежать, спрятаться. Но его магнетический взгляд не позволяет сделать. Что он со мной делает? Зачем?

Я чувствую, как мурашки бегут по всему телу, оставляя за собой след покалывания. Его кожа такая тёплая, слегка грубой на ощупь. Робость и откровенность вызывает трепет внутри и дикий ураган.

Это не правильно.

Нельзя.

Я дергаю рукой, пытаюсь вырвать руку, но он сжимает её сильнее. Не больно, но достаточно, чтобы я поняла – он не отпустит.

— Софий Викторовна... — говорит Марк снова, голос стал еще тише, почти шёпот. — Прости... Но... — он замолкает, делает шаг ко мне и его горячее дыхание касается кожи... — Я не могу... Понимаешь?

Воздух между нами сгущается, становится тяжелым, плотным от невысказанных чувств. Я смотрю в его глаза, в бездну его души, и понимаю, что мой расчетливый рационализм рушится под натиском необъяснимой притягательности. Дистанция, которую я так тщательно выстраиваю, испаряется, словно утренний туман под лучами солнца.

Шум двигателя на улице отвлекает Марка и он тяжело втягивает воздух и медленно выдыхает. Отводит взгляд и прищуривается.

— Глеб приехал, — говорит он и отпускает мою руку.

С ума сойти. Дышать невозможно. Но самое страшное, я чувствую лёгкое разочарование от потери этого неожиданного, но такого приятного контакта. Его пальцы скользят по моей руке, невесомым прикосновением, и я снова ощущаю, тот же электрический заряд, пробежавший по телу.

— Мам, Марк, вы... — Глеб заходит в ангар и я наконец-то могу пройти.

— Мы здесь, сынок, — хочу крикнуть, но голос предательски дрожит.

— Мам, ты вся красная. Марк, блин, попросил же присмотреть, — недовольно бурчит и касается моего лба. — У тебя температура высокая. Поехали домой. Сделаешь проект, когда поправишься. Извини, брат, — обращается уже к Марку и подталкивает меня к выходу. Пошли, давай...

— До свидания, София Викторовна, — говорит Марк и я как в прострации киваю.

Вообще не понимаю себя. Меня словно загипнотизировали...

И я даже знаю, кто это сделал...

Глава 8

Глава 8

Глеб помогает сесть в машину, будто я и правда в плачевном состоянии.

— Прости Марка, — заботливо извиняется сын и я удивленно перевожу с ангара взгляд на Глеба.

— За что? Он мне чай в термосе принес, — зачем-то говорю.

— Все что касается его ангара он словно одержимый. Я даже не завидую тебе, он та еще заноза в заднице. Слишком придирчивый, внимательный, скрупулезно будет проверять чертежи, потом бригаду. Может откажешься? Сошлешься на занятость и болезнь...

Я хмурюсь, а внутри растекается чувство обиды.

— Думаешь я с таким объектом не справлюсь? Поехали домой, — отворачиваюсь от сына и смотрю в окно.

Весь в отца... От того слышать слова о своей бездарности не так больно, как от собственного сына.

Дыхание перехватывает, даже сделать вдох страшно. Потому что чувствую, что еще секунда и я постыдно разревусь. Но я должна быть сильно. Мне нельзя плакать...

— Мам, — тихо зовет Глеб.

— Поехали домой, — на выдохе отвечаю, чтобы голос не дрожал, но так и не смотрю сыну в глаза.

Глеб заводит машину и в этот момент выходит Марк. Он смотрит прямо в мои глаза. И хмурится. Я чувствую, что по щеке бежит слеза и так противно становится от себя. Докатилась...

— Что случилось? — голос Глеба был тихим, и в нем слышалась тревога. — Я же не хотел тебя обидеть, это все из-за характера Марка. Я же знаю какой он... Его жене вообще не повезет, — старается отшутиться сын. А меня сильнее это задевает.

Я отвожу взгляд от Марка и смотрю перед собой. Не могу видеть ничьи глаза. Слезы текут одна за другой, горячими дорожками по щекам. Это не было постыдным рыданием, которое я боялась, но все равно... Но мне стыдно, будто сама в себе сомневаюсь. А слёзы, казалось, подтверждают слова Глеба, которые, как яд, отравляют душу.

— Не переживай, справлюсь, — мой голос звучит тихо, но уверенно. Меня накрывает волна гнева. Гнев на Глеба за эти сомнительные заботы, и на Марка за его беспокойство. Гнев на себя, за то, что я позволила себе растеряться. И поддаться эмоциям.

— Мама, — Глеб наклонился, и его рука касается моей. Настолько мягко, что я не сразу понимаю, что он поглаживает меня. Это было так неожиданно, что слезы моментально прекращаются. Вместо облегчения, я ощущаю глубокую обиду.

— Мам, ты крутая в проектировании... — голос Глеба был мягким, но в нем я услышала едва заметную нотку огорчения. — Просто Марк... слишком придирчивый, он вынесет тебе мозг. Я за это волнуюсь... Ты и так остро реагируешь на все...

Чувство вины меня накрывает с головой. Я и правда сейчас, как оголенный провод. Коснешься меня и рванет. Уже рвет... Делаю глубокий вдох, стираю мокрые дорожки с щек и поворачиваюсь к сыну.

— Глеб мне сорок лет. В моем возрасте распускать сопли, бояться ответственности уже нельзя. Так что соберись и ты, поехали домой, — голос не дрожит.

Глеб кивает мне, пару раз сигналит Марку на прощание и выезжает на дорогу.

— Заедем в пекарню? Я быстро сгоняю за пирожными и поедем домой, — говорит Глеб и я молча киваю.

Пускай делает что хочет. Мне и тут хорошо сидится. Сейчас выпью лекарство и забудусь крепким сном. Глеб притормаживает у кофейни. Рядом находится офис моего мужа, но желания зайти к нему нет никакого. Ему же плевать на меня и мое состояние. Смотрю на центральный вход и наблюдаю за людьми. Кто на обед спешит, кто по телефону разговаривает. А затем вижу мужа...

Он выходит и оглядывается. Будто знает, что мы тут... Ладно, выйду к нему. По-любому доложили. Открываю машину и выхожу на улицу. Слегка колотит, но я делаю шаг и в этот момент он разворачивает ко мне спиной и на его шею кидается девушка.

Она не стесняется никого, обвивает его плечи и проводит длинными ногтями по коротким волосам на затылке. Нас разделяет каких-то двести метров. Но я будто чувствую ее сладкий аромат духов, от которых меня начинает тошнить...

Муж обнимает ее в ответ и даже приподнимает над землей. Кружит на месте и встает опять лицом ко мне. Но не замечает собственную жену. А зачем? У него дела поважнее...

Обидно так... Ноги не двигаются, а хочется врезать по наглой роже не только ему, но и ей. Но как назло не могу пошевелиться... Словно все тело превратилось в камень.

— Мам, а ты чего вышла? — громко спрашивает Глеб и муж слышит его...

Он переводит взгляд на меня и его глаза звереют. Будто это я с любовником стою, а не он обжимается...

Его глаза звереют, в них вспыхивает неконтролируемая ярость, и он с силой сжимает кулаки. Слова застревают в горле, они готовые выплеснуться потоком оскорблений и обвинений в адрес мужа. Но вместо того, чтобы все высказать, я молчу. Просто стою и хлопаю глазами, стараясь переварить происходящее. Слава произносит, хрипло, с еле сдерживаемым рычанием:

— Что ты тут делаешь?

Его голос звучит как выстрел, отдающийся эхом в тишине. Я, застываю как статуя, пытаюсь сглотнуть, но ком застревает в горле. Он смотрит на меня, словно я — враг, пришедший испортить его праздник. А ведь это я — его жена. Он меня должен обнимать. Ценить. Бояться потерять. Но точно не злиться...

Я чувствую, как внутри меня закипает гнев, но он, как волна, разбивается о невидимые стены. Я настолько шокирована, что не могу выплеснуть его наружу. Ничего не могу сделать. Единственное, что я могу — это наблюдать, как он, словно очнувшись от бреда, переводит взгляд на женщину, всё ещё прижатую к нему.

И опять меня шокирует.

— Давай, пойдём. Мы уже опоздали, — говорит Слава той девушке, меня даже не ставя ни во что.

Она даже не боится меня, не замечает моей растерянности и гнева, легко и свободно отстраняется от него, и, с улыбкой, словно ничего не произошло, бросает на меня быстрый, оценивающий взгляд. А затем, обернувшись к Глебу, говорит:

— Привет, Глеб. В пятницу приходи на ужин...

Я чувствую, как у меня начинают трястись руки. Голова кружится. Всё. Всё вокруг рушится. Я не могу дышать. Я хочу закричать, но голос застрял в горле, как и все остальные мои чувства. Как вообще смелости хватило, чтобы открыто при мне звать моего же сына?

— Все ясно, — произношу я, с трудом выдавливая слова. Голос дрожит, а тело словно покрыто льдом.

Я поворачиваюсь и сажусь в машину, даже не оглядываясь. Уйти от этого ужасного зрелища, от этого предательства, от этого... от этого разочарования. Оно сжигало меня изнутри, оставляя после себя пустоту.

— Мам, ты же веришь, что я никуда не пойду, — голос сына так неожиданно появляется в машине, что я вздрагиваю.

Я настолько погрузилась в себя, постаралась отгородиться от этой боли, что не заметила, как сын сел за руль.

— Поехали домой, — тихо прошу его и пристегиваю ремень безопасности.

Глеб молча заводит двигатель и выезжает с парковки. А у меня в голове что-то щелкает. Я не буду такое терпеть. Не стану.

Так нельзя...

Пора реально собирать вещи и подавать на развод.

Следующие несколько часов пролетают как в тумане. Я не могу сосредоточиться на работе, еда кажется безвкусной, а сон – беспокойным. Глеб, словно чувствует перемены, ходит рядом, но почти не разговаривает, держит дистанцию. Это тяжело. Не только мне, но и ему.

А Слава так и не приезжает. Не спешит поговорить и все решить. И это начинает меня волновать.

Я начинаю собирать вещи. Не спеша, методично, складывая в коробки любимые книги, детские фотографии, и те вещи, которые хранят в себе частичку нашего общего прошлого. Каждая коробка, каждый предмет, сжимает моё сердце, напоминали о том, что я теряю. Но я знала, что это необходимо.

Так нельзя. Я повторяю себе, как мантру эти слова. Словно они дают волшебный пендель мне. Из детей вечером никто не заходит ко мне. Это к лучшему. Пускай пока будут в неведении.

Дверь в комнату открывается. Поднимаю взгляд и вижу Славу. Он застаёт меня с коробкой в руках. В его глазах мелькает что-то, что я не могу определить. Ни страх, ни паника, а скорее – растерянность.

— Что ты делаешь? — спрашивает он, а голос его слегка хриловато.

— Собираю вещи, Слава, – мой голос звучал ровно, без дрожи. — Мы разводимся.

Он усмехается, а потом медленно качает головой, будто не верит мне.

— Почему? — спрашивает меня, от его глупого вопроса хочется рассмеяться в голос.

Стоило его только увидеть, как сердце бьется чаще и внутри такое гадкое чувство. Будто это я предаю, будто я виновата. Почему? Это он предал. Но ведет себя так, словно я во всем виновата.

— Почему? — хмуро спрашиваю у него, замирая с коробкой в руках.

Я никак не могу понять его слов.

Даже не знаю, что произошло. Он просто... просто завел любовницу. А сейчас спрашивает: “Почему?”. Бессовестный. В его глазах... там пустота, словно в этой коробке, которую я держу обычный хлам. Даже взгляд не могу его понять, он смотрит будто сквозь меня. Как будто я – призрак, на которого плевать. А что если я действительно виновата? Может, я что-то упустила в наших отношениях? Что-то не так сделала? Я пытаюсь найти ответ в его глазах, в его словах, но там только... холод. Холод, который пронизывает меня насквозь.

— Да. Тебе лечится нужно. Преследуешь меня, ведешь странно. Заняться нечем? Работы нет? — спрашивает у меня, причем на полном серьезе.

— С тобой разведусь, скину с себя балласт и появится много свободного времени! — делаю шаг в сторону, но Слава не дает прохода.

Он хватается меня за руку и сжимает больно мое плечо, что коробка подкосилась.

— Слава, что с тобой? Почему ты так себя ведешь? Что я тебе сделала? — шепотом спрашиваю у мужа в шоке, переваривая происходящее. Но Слава звереет на глазах. Он ничего не говорит, лишь сильнее сжимает пальцы. — Отпусти! — дергаюсь, но удерживает. Боль словно стрела пронзает насквозь. — Отпусти! — повторяю я, а голос срывается на визг. Его пальцы, такие сильные, впиваются в мою кожу, точно оставляя синяки.

Коробка с вещами, которую я несла, с грохотом падает на пол, содержимое разлетается по комнате. Лицо мужа перекошено от злобы, он не обращает внимание на то, что больно.

Как такое могло с ним произойти. Раньше его глаза были тёплые и добрые, сейчас же горят холодным огнём.

Я пытаюсь вырвать руку, но он только сильнее сжимает, притягивая меня к себе. Его дыхание, горячее и резкое, опалает мою щеку. Пахнет перегаром и чужими духами... неприятно, слишком сладко. Он тянет свои руки ко мне, когда только недавно был с любовницей. Мне противно от самого факта.

— Убери от меня, грязные руки, — шиплю, как змея, готовая вцепиться в его лицо.

Но не хочу раздувать из-за детей. Не хочу чтобы они все видели. И так наслушались, и насмотрелись.

— А то что? Яйца стальные отрастила? Ты кем себя возомнила?

В этот момент я отчетливо поняла, что страх уже не просто чувство, а физическая реальность, сковывающая меня, лишаящая возможности мыслить ясно. Он говорит с такой злостью, ненавистью, глаза наливаются кровью и передо мной уже не просто муж...

Он больше похож на зверя от которого нужно бежать.

— Ты... ты совсем спятил! — выдыхаю я, чувствуя, как начинает жечь глаза от подступающих слез. Голова кружится от боли и нахлынувших эмоций.

— Спятил? — рычит он, голос его был низким, угрожающим. — Это ты спятила! Все эти разговоры, это твое поведение... Ты меня достала! Я устал от твоего контроля, твоих звонков постоянных, твоего нытья!

Его слова, пропитанные ядом, поражает меня.

— Нытье? ... — голос зенит, стараюсь понять его слова, а в голове крутится только слово “нытье”. Пытаюсь вырваться, но он не отпускает. Его хватка становилась всё сильнее, я чувствую, как начинают неметь пальцы. Мне хочется закричать, позвать на помощь, но кого? Детей... Это недопустимо их вмешивать. — Отпусти, мне больно. Ты больной. Сам изменяешь и пытаешься во всем обвинить меня, — цепляюсь другой рукой в его и сильно впираюсь ногтями. Пытаюсь разорвать сильнее, оттянуть ее от меня и постоянно дергаюсь.

Слава резко отталкивает меня, и я, потеряв равновесие, падаю на пол среди разбросанных вещей. Головой бьюсь о край стола, и в глазах потемнело. Слава стоит надо мной, его лицо выражало смесь злости и какого-то странного, извращённого удовлетворения.

— Я тебе ещё покажу! — шипит он, и резко выходит из комнаты.

Я провожу рукой по месту удару и несколько раз моргаю. Кажется простуда уже не так сильно волнует, как звенящая и пульсирующая боль в голове. Я не хочу верить, что за двадцать лет совместной жизни, прямо сейчас он поднял на меня руку...

Но в этот же момент, понимаю, что это только начало. Это было не просто ссора. Это было что-то гораздо серьёзнее. Что-то, что требовало немедленных действий.

Дверь открывается и я испуганно смотрю в проход. И на пороге появляется Глеб. Он оглядывает комнату и его глаза расширяются от увиденного. Пытаюсь встать с пола, но перед глазами все плывет. Сын подхватывает под руку и сильно, но бережно удерживает.

— Мама, он... — замолкает сын. — Мама, он тебя ударил?

Дверь внизу хлопает с такой силы, что стекла задрожали. Он ушел. И дышать легче даже стало.

— Мама, — зовет Глеб, а я не знаю, что сказать сыну...
Правду?

Глава 9

Глава 9

Я хочу закричать. Протираю рукой глаза, даже не думаю о макияже. Плевать. Делаю глубокий вдох и понимаю, что внутри пустота.

Но я не хочу втягивать Глеба в наши разборки. Он умный мальчик, сам все видит и сделает выводы. Но точно не с моей подачи.

— Сынок, иди отдыхай. Я пока вещи продолжу собирать. С утра на завтраке поговорю с тобой и Элей. Хорошо? — смотрю на Глеба и он хмурит брови.

— Ладно, — соглашается он, но по глазам вижу, что не это хотел сказать.

— Иди, спокойно ночи, — подталкиваю его к двери и Глеб выходит.

Это кошмар. Меня трясет. Адреналин по крови так быстро бежит, разгоняет ее до предела, что становится жарко.

Закрываю дверь, прислоняюсь к ней спиной, и сползаю на пол. Всё тело дрожит. Плакать не могу, только сжимаю кулаки, ногти врезаются в ладони. В голове мелькают картинки нашего последнего веселого ужина. Глеб, рассказывал веселые истории с тренировки, как Марка облил грязью с ног до головы, и счастливая улыбка Эли. Как мы планируем поехать всей семьей на выходных в другой город. Счастье того дня, сейчас кажется такой зловещей шуткой. Я смотрю в потолок и слезы текут по щекам.

Что я наделала? Почему всё так сложно? Зачем я втянула их в эту историю? Зачем я вообще живу с этой болью внутри? О чем я думаю? Пытаюсь оправдать мужа за его гнусный поступок... Он почему-то не думал о том, что рушит семью... Почему об этом должна думать я? А кто еще будет думать? Я-то не хочу обижать детей...

А-а-а-а-а-а... Хватит.

Поднимаюсь, иду на кухню, наливаю себе воды, и глотаю её залпом. Горло пересохло, мысли всё ещё путаются. Надо успокоиться. Надо разобраться.

Но как? Как разобраться в этом клубочке лжи, недомолвок и непонимания? Как вернуть всё на свои места, когда сама не знаю, где и что сломалось? Машину времени еще никто не изобрел.

Да и я не хочу даже разговаривать с мужем. Мне противно и мерзко. Свет фар и рев мотоцикла раздаётся во дворе. Сердце замирает и в следующий миг начинает биться с такой скорости, что во рту опять пересыхает. Набираю воды в стакан и опять выпиваю. Топот по лестнице и сын пробегает к двери. Он не замечает меня и встречает своего друга.

— Привет, брат. Как мама? — спрашивает первым делом он.

— Хреново. Отец походу вообще берега попутал, — замираю на месте и хочу чтобы они также не заметили меня.

— Ты о чем? — голос Марка такой настороженный с нотками явной агрессии.

— Да, блин, стремно даже говорить. Походу маму ударил, — произносит сын и они идут прямо сюда.

Я необдуманно быстро прячусь за стол, прижимая стакан к своей груди.

— Есть будешь? — спрашивает сын и по звуку отъезжающему стулу, понимаю, что он садится. — Открывай холодильник и сам смотри. Самообслуживание, брат.

— Окей, — соглашается он.

Холодильник находится прямо передо мной. И Марк идет прямо сюда. Он точно сейчас меня заметит, потому что других вариантов точно нет... И как только я вижу его обувь, поднимаю взгляд выше и прижимаю палец к губам, чтобы молчал.

Марк замечает меня и его зрачок расширяется. Он открывает губы и хочет что-то сказать, но шурится и молчит. Проходит к холодильнику и открывает его. Он берет колбасу и сыр,

закрывает дверцу и достает рядом батон. Он не отходит от меня. Встает рядом и принимается нарезать.

— Ударил? — возобновляет разговор Марк и я сжимаю стакан с водой в руке.

— Да, я снял наушники, после того, как мы переписывались и услышал грохот. Думал, что ей плохо стало.. Решил пойти посмотреть, выхожу из комнаты и на меня отец вылетает. Бешеный. Не слышал, как он пришел Я сразу к маме, а она на полу лежит. Чувак, этот так стремно. Руки сразу зачесались, — голос у Глеба расстроенный и растерянный.

Бедный мой мальчик.

— Давай поговорим с ним, — предлагает Марк и я резко поднимаю на него взгляд.

В этот момент он опускает глаза на меня и меня накрывает волной беспокойства.

— И как ты себе это представляешь? — спрашивает сын и у такой же вопрос возникает. Глаза расширяются от шока. Я отрицательно трясую головой и показываю, что не нужно так делать.

— Обычно. Сядем и поговорим. Я не боюсь, — говорит Марк и при этом не отрывает взгляда от меня.

Меня начинает потряхивать от его серьезности. Его горячего взгляда. И того, что внутри меня начинает происходить. Мне приятно от такой заботы.

— Надо подумать брат, все взвесить. Я отца не боюсь, но не хочу маме навредить. Кто знает, насколько у отца кукуха поехала... Блин, тоже захотелось, давай салат достану и котлеты разогрею, — говорит Глеб и я хватаю за ногу Марка и чувствую, как волна дрожи проносится по нему.

Его нога горяча и мощная... И эта дрожь передается мне. Так нельзя...

— Сиди, сам достану, — говорит Марк и касается своей рукой моей и поглаживает, успокаивает, чтобы я не переживала.

Я резко одергиваю ее, но до сих пор чувствую его прикосновение. Марк ухмыляется, разворачивается и достает, все что хотел Глеб. Берет тарелку и накладывает порцию, ставит в микроволновку и обратно все убирает. Я уже хочу побыстрее отсюда уйти, а они будто и не собираются покидать кухню.

— Блин, вообще не могу отпустить эту ситуацию. Она в башке застряла... Видел бы ты глаза мамы в тот момент, тоже бы задумался...

Марк бросает на меня свой взгляд, я мотаю головой в сторону лестницы. И он тяжело втягивает воздух в легкие и медленно его выдыхает.

— Ладно, пошли наверх, там поговорим, — резко перебивает Марк и отходит от меня.

Я выдыхаю и слегка расслабляюсь. Слышу их отдаленные шаги и сижу еще немного, чтобы полностью убедиться в том, что они ушли. Дверь наверху хлопает и я встаю с пола. Наливаю себе стакан воды и выпиваю его.

Нужно продумать все вопросы и поговорить с детьми, чтобы они никуда не лезли. Прячу стакан в шкаф и разворачиваюсь. Передо мной стоит Марк и его глаза слегка поблескивают от света луны в темноте.

— Марк, напугал... — сердце грохочет в горле, он все стоит, смотрит и прожигает меня взглядом.

— Он тебя ударил?

— Иди к Глебу, не лезь не в свое дело! — резко отзываюсь и делаю шаг в сторону, чтобы отойти от юноши.

Он слишком настырный, напористый и дерзкий. В его взгляде слишком много запрета и красная табличка с надписью “Так нельзя” горит в моем сознании.

— Не мое дело? — процедил он сквозь зубы, не отводя взгляда. Его губы сжались в тонкую линию, а брови нахмурились. — Отвалить?

Я делаю один шаг назад, чувствуя, как нарастает волнение. Он высок и широкоплеч, и эта его неподвижность, этот тяжелый взгляд, давят на меня.

— От меня, да... Ты друг моего сына, вот иди и общайся с ним. А лучше отговори от любых разговоров с отцом. Это ни к чему хорошему не приведет. Я сама разберусь, — Мой голос звучал тонко и неуверенно. Я понимаю, что должна уйти, но ноги словно приклеиваются к полу.

Эта атмосфера и пугает, и интригует. Я понимаю, что Марка нужно заставить повлиять на Глеба, чтобы тот ничего не предпринимал.

— Отговорить? — он делает шаг навстречу, и я инстинктивно отступаю. Запах его одеколона, терпкий и резкий, обволакивает меня, усиливая чувство тревоги. "Так нельзя" пульсирует в моей голове, но что именно было "нельзя", я не понимаю.

Он же просто подходит. В голове всплывает его поцелуй и жаркие прикосновения.

— Я... — хочу раскрыть эту тему, но он перебивает меня.

— Я уговорю его не лезть, но что мне за это будет? Я же могу сам и пойти поговорить, — он давит своим взглядом.

Я понимаю, к чему он клонит, но задать прямой вопрос и спросить напрямую страшно... Потому что сама не знаю, как ответить. Но я все же беру себя в руки.

— Зачем тебе все это? — упрямо смотрю в его глаза.

Я взрослая и могу смело все принять. Любой его ответ.

Он на мгновение замолкает, его взгляд темнеет, словно небо перед грозой. Густые брови сдвигаются, образуя глубокую складку между темными, почти черными глазами. Он поднимает руку вверх, и я чувствую, как воздух между нами сгущается, наполняется невыразимым напряжением. Кажется, еще мгновение, и его пальцы коснутся моей щеки, легко, почти невесомо, но в этом жесте будет столько скрытой мощи, столько непрочитанного между строк.

Но он останавливается.

Его длинные пальцы, проводят по своим волосам, рассеивая мрак на висках и затылке. Движение медленное, плавное, словно он расчесывает не волосы, а собственные мысли, разбирая их по прядкам, отделяя важное от неважного.

Лунный свет окутывает его фигуру, подчеркивая резкость скул и легкую смуглость на лице. Глаза Марка становятся хищнее, словно дикого животного, подстерегающего добычу. Лунный свет блестит в них, превращая темноту радужных оболочек в миллион искр, завораживающих и немного пугающих. В них я вижу не только любопытство, но и что-то еще — глубокую несбыточную тоску, скрытую за маской невозмутимости.

Его губы сжимаются в тонкой линии, и я замечаю небольшую трещинку на нижней, незаметную при дневном свете, но так выразительно подчеркнутую лунным светом. Воздух становится тяжелее, наполняясь неким неизъяснимым ожиданием.

Марк немного наклоняется ко мне, и я чувствую его дыхание на своем лице, легкое и прохладное, словно ветер ночной пустыни. Его духи, терпкий аромат древесины и специй, окутывают меня, словно легкое и невесомое одеяло. Он молчит, но его молчание говорит больше, чем любые слова...

Страшно...

Будоражаше...

Мурашки бегут по коже и волосы встают дыбом. Судорожно втягиваю в себя воздух и хочется почувствовать его поцелуй на губах. Он красив, силен и молод... И его внимание, как сладкая конфета для меня...

Так хочется попробовать...

— Ты еще пока не готова к таким откровениям, — говорит Марк и на губах появляется легкая улыбка. — Завтра отлежись, а послезавтра я приеду за тобой и мы кое-куда съездим. А я так и быть поговорю с Глебом. Договорились?

Киваю и Марк приближается ко мне, оставляет невесомый поцелуй на виске и исчезает из кухни...

Пульс шумит в ушах, но я не помню, что он мне сказал...

И на что я согласилась?

Глава 10

Глава 10

Два дня пролетают словно минута. Я как в бреду просыпаюсь, пугаясь собственного голоса, отражения, любого шороха. Не могу понять почему, потому что пью лекарства и тут же отрубаясь.

На второй день голова уже просветленная, нет той дымки болезни, которая преследовала меня на протяжении этого времени. Мне даже легче дышится. Собранные вещи стоят вдоль стены и никуда не делись. Потом. Сначала завтрак. С утра я спускаюсь на кухню и начинаю готовить завтрак. Как обычно делаю для детей бутерброды и чай.

— Мама, — говорит Глеб, и я оборачиваюсь.

— Доброе утро, сынок. Я оклемалась, Эля встала уже? — спрашиваю у него, и он, хмурясь, садится за стол.

— Нет, она у подруги ночевала, — сердце замирает и дыхание перехватывает. Стоило только заболеть, как дети начинают срываться из дома на тусовки. Я знаю, что ночевка у подруги лишь отговорка. — У них проект. Я всё проконтролировал и убедился, что это не попойки, — успокаивает меня Глеб, и я делаю глубокий вдох.

Видимо на моем лице транслируются субтитры моих мыслей.

— Спасибо, — чувство вины слегка накрывает. Но и тут же мысленно бью себя по щекам. Я не алкашка, чтобы так думать. На детей забиваю не потому что нахожусь в пьяном или наркотическом угаре. А болеть имеют право все! И это не повод чувствовать вину за собой.

Самое страшное, что головой я понимаю, но вот на душе всё равно странное гаденькое ощущение, которое царапает изнутри.

— Мама, ничего страшного не случилось, — говорит Глеб, и я ставлю перед ним чашку с мятным чаем.

Я хорошо сына воспитала, от этого тепло разливается по груди. Так... В глазах Глеба немой вопрос, и на меня обращается всё, что было за прошлые дни. Измена мужа, Марк... Я опять темнота в душе затмевает радость.

— Отец был дома? — спрашиваю у него и отворачиваюсь. Не могу смотреть сыну в глаза. И сама себя опять корю за то, что вообще подняла эту тему.

— Нет, я ему звонил, но он сослался на свою занятость и новый проект.

Занятый. Новый проект. Интересно, он так любовницу называет?

— Понятно, завтракай, я из дома поработаю сегодня. Не поеду никуда, — улыбаюсь и сажусь пить кофе.

— Мам, — Глеб делает глоток, и я поднимаю на него взгляд. — Что ты думаешь делать с отцом?

Простой и логичный вопрос, но для меня сейчас он звучит как гром среди ясного неба. Я не готова принять правду. Не знаю, что делать со всем этим. Порой так страшно принимать реальность, хочется закрыться в старом мире, стереть себе память и ничего не видеть вокруг. А жить с той правдой и строить всё заново так страшно.

Я столько лет выстраивала свой быт, строила семью и была прекрасной женой и мамой. Мы купили дом, выплатили ипотеку, наладили бизнес мужа... И теперь... Что мне остается?

Уходить и строить всё заново?

Я сглатываю подкатывающий к горлу ком.

— Не знаю, Глеб, — шепчу я, опуская взгляд в кружку. — Не знаю. — В глазах начинает печь, но я сдерживаюсь. Меня внутри начинает трясти от эмоций. — Я... Я все еще пытаюсь понять, как такое могло произойти... Ладно, — делаю вдох, чтобы не расплакаться при сыне, и

улыбаюсь. — Беги на учебу, у вас там вроде скоро соревнования. А я примусь за дизайн вашего домика для мотоциклов, — подмигиваю сыну, но он хмурится.

— Мам, ты можешь поговорить со мной. Расскажи, что чувствуешь, мы найдем выход из любой ситуации, — голос Глеба был мягким, полным сочувствия. Он ставит пустую чашку на стол и упирается лицом о кулак, его глаза излучали неподдельную заботу.

Я понимаю, что он взрослый мальчик и может мне где-то действительно помочь. Но я также понимаю, что только не в отношениях с отцом. И как объяснить это Глебу?

— Все хорошо, я подумаю, разберусь в себе. Но ты должен понять, что мои отношения с отцом никак не касаются вас с Элей. Он все так же ваш папа... Понимаешь, что я имею в виду?

— Да, точно, — усмехается Глеб, и мурашки бегут по коже. — Продолжать разговаривать с человеком, который бьет девушек, я точно не собираюсь. Это низко и подло... Уж прости меня, мама, но я не приемлю этого. И если Марк отговорил меня разбираться с ним, то вешаться на шею и здороваться с ним за руки, как раньше, не стану.

При упоминании Марка кончики пальцев покалывает. В голове всплывает наш с ним разговор и моя просьба отговорить его разбираться с отцом. И его условия... Свидание! Сегодня!

Блин... И я не понимаю, как реагировать на слова сына. Он вроде бы прав. С таким человеком жить нельзя, но прощать нужно... Этот груз всю жизнь будет тянуть. Нужно учиться жить... Но...

Это просто слова. Как я могу учить прощать, когда сама хочу закрыться от всего. И мне спокойно, когда его нет...

— Мама, я знаю, что тебе тяжело, — говорит Глеб. — Я не хочу, чтобы ты пыталась оправдывать его в моих глазах. Зрение не потерял и прекрасно все вижу и понимаю. А давай, правда, поговорю с ним.

Я качаю головой.

— Нет, Глеб. Ты не должен этого делать. Это моя проблема. Моё решение. Это не твоя задача. Ты не обязан становиться моим миротворцем или, как ты выразился, «вешаться ему на шею». Ты должен жить своей жизнью, заниматься учебой, тренироваться.

— Я знаю, что ты справишься сама. Ты нас с Элькой воспитала. Бизнес свой построила без помощи отца. Соберись!

Я подхожу к сыну со спины и обнимаю за плечи, кладу голову на плечо и говорю:

— Спасибо, Глеб. Ты у меня самый лучший. Сейчас мне нужно просто... Немного времени. И тишины. А тебе учиться и заниматься, договорились? — говорю сыну и впитываю родное тепло.

— Хорошо, как решишь, так и будет, — Глеб поворачивается ко мне и целует в щеку.

Я отстраняюсь, беру кружку с кофе и ухожу в свою комнату. Включаю ноутбук, сажусь за свой рабочий стол и делаю глоток. Открываю программу и загружаю размеры ангара и выстраиваю макет здания. Погружаюсь в работу и начинаю разграничивать пространство, делить на зоны.

Отрываюсь от ноутбука, когда слышу хлопок входной двери. А затем машина Глеба уезжает с парковки. Голова гудит, поэтому решаю пойти и принять душ. Через некоторое время чистая и распаренная выхожу в полотенце.

На моей кровати лежит Марк.

Я замираю на месте, в шоке смотрю на наглого парня, который вообще неизвестно откуда-то тут взялся.

Сердце колотится в груди, как бешеная птица. Марк лежит на моей кровати, раскинув руки, словно хозяин положения. Он хищно смотрит, хотя лицо его расслаблено, волосы расчёпаны, на нем та же одежда, что и вчера вечером – темные джинсы и футболка с каким-то абстрактным рисунком. Воздух наполнен его мужским ароматом – смесью свежести и чего-то терпкого, немного табачного. Я в полотенце, вода с волос капает на паркет, чувствую себя

совершенно беззащитной и уязвимой. Мозг лихорадочно пытается восстановить цепь событий. Глеб уехал... Но как вошел Марк? Глеб всегда запирает дверь на два замка. Неужели его друг вскрыл замок? Или имеет ключ? Мысль о последнем кажется еще более пугающей. Сделав глубокий вдох, я начинаю оценивать ситуацию.

Конечно, можно было бы взбеситься, накричать на него, выгнать. Но в его поведении есть что-то такое... Не агрессивное. Но это пугает сильнее!

— Как ты тут оказался?

Держу полотенце на груди, боюсь, что оно вот-вот упадет. А этот наглый и беспринципный парень лежит и осматривает меня с ног до головы.

Почему он не боится, а я смущаюсь как школьница?

Это же он должен робеть и заикаться. Ему двадцать, а не мне. А такое ощущение, что совершеннолетие едва перескочила именно я.

— Ну? — настаиваю на ответе и скрещиваю руки под грудью.

— Я свое обещание выполнил, Софий Викторовна. Теперь дело за вами, — фамильярничает он.

— Какое дело? — Решаю косить под дуру и сделать вид, что у меня амнезия.

Тут главное не перегнуть палку и выглядеть правдоподобно.

— Я отговариваю разбираться Глеба, а вы едете туда, куда я захочу, — нагло проговаривает и меня бросает в дрожь от его тона.

По-моему, этот парень совсем страх потерял. Да на кой черт, ему я сдалась? Мысленно всплывают его слова: “Ты пока не готова к таким откровениям...”. Конечно не готова, я вообще ни к чему такому не готова...

— Бред, я не могла на такое согласиться, — хмурюсь и провожу рукой по влажным волосам.

— Вы согласились. Но если передумали, тогда пойду и поговорю с Глебом. А лучше сразу с вашим бывшим мужем. Объясню, что нельзя себя вести, как полное ничтожество, — Марк говорит с такой ненавистью, будто этого его лично обижает.

Но мы с ним не одно целое. Я и он совершенно чужие друг другу люди.

— Куда же вы меня хотите отвезти? — с наигранным удивлением спрашиваю я, стараясь, чтобы в голосе не проскочила ни капля настоящего беспокойства. Марк усмехается, усмешка эта – презрительная, полная самодовольства, и это выводит меня из себя. Но я держусь, играя роль наивной дурочки. Внутри же бушует целый ураган эмоций: страх, злость, интерес, и неуловимое чувство предвкушения чего-то неизбежного.

— В "Затерянный Мир", — говорит он, выговаривая слова так, будто от этого названия я должна была упасть в обморок. Он наблюдает за моей реакцией, и я стараюсь сделать свое лицо безучастным, хотя внутри уже все перевернулось. "Затерянный Мир" – это не просто название места, туда попасть могут только по записи и то не с первого раза. Там дорого, богато, и при этом тихо...

Нет никаких посторонних глаз. И все инкогнито. Как-то раз мы хотели сходить туда, но у Славы не получилось договориться. Делаю глубокий вдох и больше не могу притворяться. Не могу я закатывать глаза и держать интригу. Мне нужно знать прямо сейчас, расставить точки и обозначить границы.

— Марк, я... я не понимаю, — бормочу я, покачивая головой как идиотка. — Зачем мне туда ехать? Ты можешь не говорить загадками. Вести себя, как друг моего сына. Это переходит все границы!

Марк встает, приближаясь ко мне, и я невольно отступаю, чувствуя как ускоряется сердцебиение. Отвожу взгляд и вижу, как его тень падает на стену, и она кажется зловещей.

— Это пока неважно, — говорит он, его голос становится холодным, жестким. — Важно то, что ты поедешь. Его слова пронзают меня насквозь. Страх снова сжимает горло. Но я ста-

раюсь не показать своего испуга. Меня настораживает его прямолинейность и требовательность...

Но больше всего напрягает то, что если откажусь он ведь правда пойдет к Славе и тогда я точно от грязи не отмоюсь. Перевожу обратно взгляд на него и медленно делаю вдох, словно готовлюсь к прыжку в холодную воду.

— Хорошо, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно, хотя руки дрожат. — Я поеду. Мы пообедаем с тобой там и потом разойдемся. Поговорим обо всем и расставим точки. Договорились?

— Увидишь, — говорит он, и его взгляд проходит сквозь меня, будто я просто пустое место. — Там тебя ждет то, чего ты так боишься, и то, чего ты так хочешь.

Мурашки проносятся по коже его близость начинает сводить с ума. Этот парень действует на меня совершенно страшным образом. Я никогда в жизни бы не могла представить, что когда-то смогу испытывать такие эмоции к юноше. Но он словно поддевает самое острое и пикантное внутри и вытаскивает наружу. Причем, мне кажется даже бессознательно.

Хлопок двери машины и я вздрагиваю. Следом со всей дури хлопает и входная дверь. Это вряд ли Глеб. Он бы не вернулся. Это точно муж... Страх парализует и все тело словно сковывает. Что он скажет, если увидит Марка в спальне. Как он близко стоит и смотрит на меня. Он начнет орать и оскорблять... А Марк не станет терпеть и будет драться...

Мысли лихорадочно крутятся в моей голове и единственное правильное решение — спрятать Марка, пока муж не уедет. Я хватаю парня за руку и тяну в ванну, вхожу с ним туда и смотрю прямо ему в глаза. Дышать тут тяжело густой пар еще не совсем разошелся, поэтому в миг появляется испарина на спине.

— Стой тихо, ничего не делай и не говори. Он уйдет и ты уедешь. Понял?

Марк прищуривается и сжимает плотно челюсть. Слышу, как дверь врезается в стену и вылетаю из ванны первая, закрывая за собой плотно дверь.

— О,мышь, — усмехается Слава и снимает с себя пиджак. Он выглядит свежим, но в грязной одежде, в которой еще пару дней уходил отсюда. — Постираешь, — кидает мне под ноги пиджак, затем футболку. Остаётся в одних брюках.

— Я не буду ничего стирать. С кем спишь, того и проси, — зло отвечаю, поражаясь его хамству.

— А ты ничего не попутала? Кем ты себя возомнила? — надменно говорит Слава и вытягивает ремень из петелек. — Пора воспитанием заняться, а то борзая слишком стала, — он как хлыстом щелкает ремнем. Прохладный воздух доходит до ног, а я замираю на месте, переваривая его слова.

В голове словно белый шум. Нет ни единой фразы. Меня словно зомбировали.

— Ты в своем уме? — шепчу. — Собирай свои вещи и проваливай, — тихо говорю, а он вместо ответа замахивается ремнем и бьет по ногам.

Резкая боль пронзает ноги, но немеет почему-то все. Не могу удержаться, падаю и касаюсь воспаленной красной полоске на ногах.

— Это ты во всем виновата! Рот свой закрой!

В какой-то момент, словно сквозь пелену, я осознаю, что больше не могу это терпеть. Что-то внутри меня ломается, и вместо страха появляется холодная решимость. Я поднимаюсь с пола, замахиваюсь и наотмашь бью.

Все происходит как в замедленной съемке.

Он замахивается и я вижу, как дверь в ванну открывается. Я лечу туда, влетаю внутрь и очень надеюсь, что Слава не видел лица Марка. Закрываю на засов и часто дышу, меня всю колотит. Нога горит огнем. Чувствую, как Марк кладет руку на талию и полотенце спадает. Он видит мою голую спину. Я успеваю подхватить края и заправить их на груди. Марк тянет руку и касается замка.

Я перехватываю ладонь и разворачиваюсь к нему.

— Дверь открой, — в спину прилетает удар и я понимаю, что Слава слишком взбешен.

И Марка нужно тормозить. Они разнесут все в спальне. Побьют друг друга и я даже не знаю, кто кого может покалечить.

Трясу головой и сжимаю его руку. Марк упирается рукой возле моей головы и наклоняется.

— Отойди, я его ушатаю, — шепчет мне на ухо.

— Нет, нельзя, — отвечаю куда-то ему в шею. Дышу его приятным ароматом и меня заводит от этой близости.

Я чувствую, как его тело напряжено, готово сорваться с места. Моя ладонь крепче сжимает его руку, словно пытаюсь привязать к себе. Но Марк – это ураган, который вот-вот обрушится на все вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.